

С приближением перспективы стало отчетливо видно, как открылись боевые шлюзы «Примадонны ночи». Оттуда вылетел небольшой отряд отлично оснащенных мехов и, четко выбрав цель, устремился к стремительно падающему «Шону-III».

— Перехватить их, — скомандовал командующий, указывая на отряд пиратов. Его голос звучал холодно, но веско. — Еще никто не смел трогать моих людей у меня на глазах.

Глава 12

О том, какие изменения происходят с его генами, кровью и на клеточном уровне, Сяцзо не имел ни малейшего представления. Острая, разрывающая боль в левом глазу по-прежнему прочно удерживала свои позиции, не переставая отдаваться по всей нервной системе и поглощая все его чувства и силы.

Непрекращающаяся боль упрямо затаилась в каждом уголке его тела. Юноша до крови закусил нижнюю губу — зубы впились в кожу так глубоко, что на языке он отчетливо ощутил солоноватый привкус крови.

Но ему было уже не до таких мелочей. В голове крутилась лишь одна мысль:

...Только не потерять сознание...

...Нельзя отключаться...

Зрение в левом глазу постепенно возвращалось, однако это лишь усугубило положение. В поле зрения Сяцзо правый глаз видел всё как обычно, а вот левый был полностью забит множеством точек и линий, смысла которых он не понимал. Эти точки и линии различались между собой, но их объединяло одно: он понятия не имел, что они означают.

Пока Сяцзо, преодолевая пульсирующую боль, пытался разобраться, что же не так с его глазом, тепловой луч прочертил пространство в миллиметре от обшивки его старого меха. Еще чуть-чуть — и он был бы уничтожен.

Это была лишь проба сил, призванная скорее запугать, чем нанести урон.

Атака привела Сяцзо в чувство.

Он стиснул зубы, игнорируя привкус крови, зажмурил левый глаз, мешавший обзору, и, стараясь не обращать внимания на всепроникающую боль, положил дрожащие руки на панель управления.

Строгая выучка Кейна за все эти годы проявилась в полной мере. Несмотря на ужасное состояние и грань срыва, Сяцзо блестяще выполнил три последовательных маневра с изменением траектории на малом радиусе, а затем нанес резкий ответный удар.

В глазах пиратов, которые только что насмеялись над тем, что этот старый мех годится разве что для музея, а не для побега, картина резко изменилась. Неуклюже падающий аппарат словно обрел душу: он, как по мановению волшебной палочки, увернулся от трех фотонных снарядов, нацеленных в двигатель, и тут же, в долгую, выпустил ответный снаряд из своего отсека, точно и безжалостно уничтожив энергетический узел головного меха преследователей.

В ответ на громкую брань помощника капитана Шэра пираты, отбросив насмешки, начали действовать всерьез.

Ситуация для Сяцзо стала критической. Несколько раз ему казалось, что его навыков уже недостаточно для спасения.

Как раз когда расстояние между «Шоном-III» и преследователями сократилось до минимума, а уклоняться стало почти невозможно, «Рассвет» выпустил помеховую ракету. Взрыв произошел в самый нужный момент: мощный электромагнитный импульс накрыл всех пиратов, пощадив лишь «Шон-III», принадлежащий к тому же легиону.

Не понимая, что произошло, Сяцзо остро почувствовал, как давление сзади ослабло. Затаив дыхание, он, не раздумывая, выжал из меха максимальную скорость и через несколько мгновений исчез с радаров пиратов.

Даже если бы те захотели его найти, у них уже не было сил: по приказу Рудольфа несколько тяжелых крейсеров уже взяли их на прицел, и последовавший залп тяжелой артиллерии лишил их всякой надежды на выживание.

Сяцзо снова сильно прикусил губу — острая боль от поврежденной плоти помогла вернуть остатки рассудка.

Сейчас он даже пожалел, что та всепроникающая боль в теле утихла. Потому что, вырвавшись из окружения, он обнаружил, что его положение не улучшилось, а стало, в некотором смысле, еще опаснее.

На смену боли пришла знакомая волна жара. Он уже пережил подобный кошмар чуть больше месяца назад.

— Хотя он не знал причин, но ингибитор, который должен был действовать еще месяц... перестал работать раньше времени.

Сяцзо часто задышал. Даже боль в губе отступила перед жгучим, неопределенным предвкушением, превратившись в тонкий стимул, пробуждающий в теле еще большую пустоту и жажду.

Пот градом катился по его лицу. Бинты, которые раньше дарили ему чувство защищенности, насквозь промокли. Любое случайное прикосновение вызывало невыразимую слабость и зуд, оставляя на коже липкое ощущение, способное свести с ума.

В тесной кабине уже стоял терпкий, сладковатый аромат — верный признак приближающейся течки омеги. Он был настолько густым, что воздух, казалось, перестал циркулировать, превратившись в плотный газ.

Сяцзо было уже не до того, восстановится ли зрение в левом глазу. Он не мог даже управлять мехом. Тело, охваченное жаром, не слушалось, а инстинктивное желание сжать ноги лишь подливало масла в огонь — это не приносило облегчения, а лишь усиливало чудовищную пустоту.

Если бы он был в таком состоянии сразу после побега от пиратов, он не смог бы не то что маневрировать, а даже просто сменить курс.

Он больше не решался держать руки на панели управления — любое движение пальцев вызывало дрожь. Каждая клеточка тела чувствовала себя неправильно, слабость просачивалась из костного мозга в кровь, заставляя его задышаться в кабине, наполненной ароматом феромонов.

И, кажется, это было еще невыносимее, чем в прошлый раз.

Несмотря на пережитое месяц назад, Сяцзо всё еще был беспомощен перед этой внезапной волной желания.

За свои шестнадцать лет он научился у Кейна всему: выживанию, принципам, рукопашному бою, управлению мехами... всему, кроме того, как омеге справляться с течкой.

Потому что Кейн был бетой.

Сяцзо вцепился в край панели управления так сильно, что ногти побелели. Капли пота падали на металл, сливаясь в лужицы, в которых отражалось его искаженное лицо.

Чтобы отвлечься от рассеивающегося внимания и нарастающей жажды, он заставил себя взглянуть в точки и линии в левом глазу. Всё, на что он смотрел, было помечено этими непонятными знаками, отчего голова начинала раскалываться.

В сочетании с беспокойством перед течкой это было просто невыносимо.

Долго глядя на металлическую панель, Сяцзо заметил нечто странное: в самом низу панели было что-то скрыто — именно там, в левом глазу, сходилось огромное количество линий.

Он потянулся и нащупал маленькую кнопку.

Кейн никогда не говорил ему об этой кнопке и о том, для чего она нужна.

Мозг, измученный болью и гормонами, работал с задержкой, и прежде чем Сяцзо успел осознать свои действия, он нажал на нее.

Голосовая система «Шона-III» сухо произнесла:

— Активирован режим «Слава».

Хотя Сяцзо не понял, что это значит, он слишком хорошо знал свой мех и сразу почувствовал, что производительность возросла вдвое. Скорость увеличилась настолько, что он едва не столкнулся с пролетавшим мимо метеоритом.

Бескрайний космос, отсутствие ингибиторов, приближающаяся течка, запас кислорода и энергии менее чем на сорок часов... Сяцзо впервые охватило отчаяние.

Он поднял взгляд на экран — хаотичные линии словно насмехались над ним.

— Хоть выберу направление, куда умирать...

С этой мыслью он выбрал приглянувшуюся точку и с трудом настроил автопилот.

«Шон-III» как боевой мех не был предназначен для межзвездных перелетов, он годился только для ближнего боя. Системы амортизации, необходимые для звездолетов, в нем были сведены к минимуму.

Поэтому, когда мех снова ускорился, а изможденный гормонами Сяцзо после нескольких сильных толчков окончательно обессилел, при очередном ударе о мелкий обломок он с силой ударился головой о панель управления.

Перед тем как провалиться в забытие, Сяцзо подумал с самоиронией: «Надеюсь, эта развалюха папаши достаточно прочная... Впрочем, какая разница, я ведь всё равно умираю».

Сегодня суббота, первый день выходных, сохранившийся еще с земных времен.

Из-за разрушения шахт на планете RFL-8713 менеджер компании «Мелади» Гамильтон был в отпуске. Вместо того чтобы остаться на главной планете Кассио, он вместе со своим партнером решил поселиться на планете А-Тэншэ.

Эта маленькая планета находилась на самом краю созвездия Кассиопеи, и близость к центральному сектору защищала ее от пиратов и инопланетных существ.

Гамильтон, придерживаясь строгого распорядка, с утра вышел в свой садик, чтобы подстричь падуб — он потратил немало денег, чтобы достать этот древний земной вид, и очень им дорожил.

Но у калитки он застыл в ужасе: огромный, помятый кусок металла, похожий на небрежно скомканный комок, с воем рухнул с неба, уничтожив его драгоценные деревца. Из обломков вылетел спасательный модуль и покатился прямо к его ногам.

Менеджер Гамильтон был в ярости!

Какой малолетний идиот решил, что умеет управлять мехом, не пройдя симуляторов и не взяв сопровождение?!

Он со злости пнул спасательный модуль. Мощь альфы проявилась сполна: раздался скрежет, металлическая дверца треснула, и...

И оттуда ударила настоящая «ядерная бомба» омежких феромонов!

Гамильтона отшвырнуло запахом, хлынувшим из капсулы. Он был настолько чистым и концентрированным, что даже он, женатый человек, имеющий помеченного омегу-партнера, едва устоял на ногах.

Это не было проявлением собственничества, лишь инстинктивной реакцией альфы на феромоны омеги.

...Это чертовски зашкаливает!

Но, разглядев лицо лежащего в капсуле, Гамильтон испугался. Он немедленно крикнул в коммуникатор на запястье:

— Ивэн! Ивэн!

Его голос был полон тревоги. Партнер тут же отозвался:

— Дорогой, что случилось?

— Доставай вещи Дэниела! — Гамильтон, говоря это, снял свою куртку и плотно укутал ею израненного юношу. — И медицинский прибор! Быстрее!

Сяццо, находясь в беспамятстве, почувствовал запах альфы и заерзал. Его дрожащее тело и нахмуренные брови выражали явный протест, он начал слабо, но упорно сопротивляться действиям мужчины.

— Черт возьми! — выругался Гамильтон и, не теряя ни секунды, бросился в дом, где в гостиной столкнулся с партнером.

— Это... — Ивэн с удивлением посмотрел на омегу на руках мужа.

— Омега, у которого скоро начнется течка, — Гамильтон поспешно передал Сяццо Ивэну. — И, похоже, боевого типа.

Ивэн с трудом принял юношу. Стоило ему слегка приоткрыть куртку, как он нахмурился:

— Такой сильный запах?

Увидев кровавый след у левого глаза Сяццо, он еще больше удивился:

— Что с глазами этого ребенка? Как он получил такие тяжелые ранения?

Гамильтон прижал куртку плотнее:

— Не болтай, где вещи Дэниела?

Ивэн поспешно положил мальчика на диван и достал из кармана маленькую коробочку:

— Она так долго лежала, не знаю, эффективна ли она еще.

— Сейчас не до этого! — Гамильтон вырвал коробку, сжав металл так, что тот деформировался.

— Боюсь, сейчас сюда уже летят другие альфы.

Он взглянул на юношу, который немного успокоился под действием феромонов партнера, и протянул шприц Ивэну:

— Давай ты.

Ивэн взял шприц, но как только он дотронулся до руки мальчика, тот начал яростно сопротивляться.

— Всё хорошо, малыш... — мягко успокаивал его Ивэн, окружая своим запахом. — Я не альфа,

всё в порядке...

Он прижался щекой ко лбу юноши. Сяцзо, словно почувствовав нежность сородича, постепенно затих.

Ивэн воспользовался моментом, ввел иглу в вену на запястье и с облегчением выдохнул, наблюдая, как серебристая жидкость медленно вливается в бледную кожу.

Это был ингибитор омежьих феромонов.

Придя в себя, Сяцзо долго не мог понять, где находится.

Жар и жажда исчезли. На нем была чистая пижама, и...

Сяцзо рывком откинул простыню, в ужасе сжимаясь:

Его бинты исчезли.

Увидев, что он проснулся, маленький робот у кровати издал мелодичный звук. Сяцзо, не раздумывая, ударил его кулаком по голове:

— Заткнись!

Робот зашумел еще радостнее.

Ивэн, получив сигнал, вошел в комнату и увидел, как проснувшийся юноша «сражается взглядом» с бытовым роботом. Его поза была в точности как у кота, которого он когда-то держал.

— Тот... — Ивэн тихо постучал в дверь. — Можно войти? Сяцзо.

— Вы меня знаете? — Сяцзо обернулся. Мужчина перед ним излучал мягкость и спокойствие — он не был похож ни на бету, ни на альфу. — Вы... омега?

Ивэн кивнул, оставаясь у двери:

— Мой муж — Гамильтон из компании «Меладии». Он сказал, что ты его знакомый. Мы позволили роботу-уборщику искупать тебя и обработать раны.

— Гамильтон? — Сяцзо нахмурился, вспоминая. — Не знаю такого.

— Так можно мне войти? — снова мягко спросил Ивэн.

— Конечно, — Сяцзо смущенно потер нос. — Это ваш дом... И спасибо, что спасли.

Ивэн вошел, сел на край кровати, нажал несколько кнопок на роботе и, дождавшись, пока тот уедет, сказал:

— Думаю, у тебя много вопросов.

Сяцзо посмотрел на свои пальцы — из-за постоянного ношения перчаток и бинтов его кожа была неестественно бледной, но сейчас, возможно, ему казалось, она стала еще нежнее. Если бы не хаотичные линии в левом глазу, он бы решил, что это сон.

Ивэн протянул ему пространственный накопитель.

Сяцзо открыл его и нашел свой вибронож и остатки бинтов. Он отрезал кусочек ткани и снова перевязал левый глаз.

Затем он задал первый вопрос:

— У вас есть еще ингибиторы?

Ивэн был удивлен, что его волнует именно это, но покачал головой, и его лицо помрачнело:

— Тот, что мы использовали, был... приготовлен для Дэниела.

— А вам не нужно иметь свои? — спросил Сяцзо.

— Как же без этого? — Ивэн постарался скрыть грусть. — Я — помеченный омега.

— Звучит так, будто это намного проще, — с завистью заметил Сяцзо.

<http://bllate.org/book/21267/2154992>